

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ДЕТСКАЯ
СОВЕСТЬ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Детская совесть

Аннотация

«С тех пор как русскому языку меня учит тетя Зина, я очень полюбила писать и вовсе не делаю ошибок. Я или переписываю что-нибудь или так записываю, что у нас случается. Теперь мы с тетей не занимаемся, потому что на даче надо отдыхать. Я бегать не люблю, сижу – пишу или раскрашиваю, если только Таня не мешает, не зовет играть. Она всегда сердится и плачет, если я нейду. Ей надо уступать, она маленькая: ей только восемь лет. Мама тоже сердится, что я все в комнате: я очень толстая, и она говорит – я еще больше потолстею, если не буду бегать. А вот сама мамочка целый день лежит на балконе, читает книжки и все-таки не толстеет. Мы с Таней заберемся иногда на кушетку, играем с ней. Говорим: «Ты у нас, мамочка, ленивенька». Она ничего, смеется...»

Содержание

I	4
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

Детская совесть

I

С тех пор как русскому языку меня учит тетя Зина, я очень полюбила писать и вовсе не делаю ошибок. Я или переписываю что-нибудь или так записываю, что у нас случается. Теперь мы с тетей не занимаемся, потому что на даче надо отдыхать. Я бегать не люблю, сижу – пишу или раскрашиваю, если только Таня не мешает, не зовет играть. Она всегда сердится и плачет, если я нейду. Ей надо уступать, она маленькая: ей только восемь лет. Мама тоже сердится, что я все в комнате: я очень толстая, и она говорит – я еще больше потолстею, если не буду бегать. А вот сама мамочка целый день лежит на балконе, читает книжки и все-таки не толстеет. Мы с Таней заберемся иногда на кушетку, играем с ней. Говорим: «Ты у нас, мамочка, ленивенька». Она ничего, смеется.

Вот тетю Зину все называют красивой, а по-моему, мамочка гораздо лучше. У тети волосы совсем черные, брови густые, нос тонкий, а сама бледная. То ли дело мамочка: веселая, щечки розовые, на подбородке ямочки (мы всегда ее в ямочку целуем) и кудри белокурые.

Только мама не любит с нами долго возиться: чуть мы разыграемся, сейчас нас отсылает: «Идите к своим куклам!» А у нас и кукол нет, не любим мы их.

Какие все-таки странные эти большие! Они думают, что мы ничего не понимаем, кроме игрушек и кукол. А у нас с Таней тоже есть свои дела. И отчего, если мы маленькие, так все наше будет глупое и смешное. Вот кузен Петя, например, кадет, он у нас в городе бывает по воскресеньям – какой большой вырос, а даже и того не понимает, что мы с Таней ему рассказываем, только пыжится, вытаращивает глаза да пояс поправляет. И ничего не говорит, только: «А? Как?» Значит, и большие не все умные.

Здесь нам очень нравится: в лесу растут грибы, есть терраса; а от террасы прямо идет длинная аллея; мы по ней любим бегать рано утром, как только что встанем; я тоже бегаяю. Мама сердится, кричит: «Сыро!» Это правда, что сыро, только там тень и так хорошо пахнет.

Сад здесь очень большой и много разных дорожек и беседок. Когда фрейлин Минна ищет нас, чтобы учиться немецкому языку, мы нарочно убежим и спрячемся в кусты; она ходит-ходит по саду, кричит: «Киндер!» Мы молчим; так она и уйдет. Потом мама спросит, был ли немецкий урок, мы скажем нет, мама сердится на фрейлин Минну, а мы рады.

Я фрейлин Минну не люблю. И никто ее не любит. Все над ней смеются. Она такая крепкая, белая, в зеленом платье и в больших туфлях. Все вяжет что-то длинное, желтое – и

молчит. Мы ее редко и видим; идем в сад или в бабушкину комнату: туда фрейлин никогда не заходит.

Сегодня у бабушкиной пеструшки вывелись первые цыплята. Бабушка спрятала их в свою шубу в уголок. Они там попискивают и кушают яичко. И тепло. Мы сегодня целое утро с цыплятами сидели. Бабушкина комната наша самая любимая: маленькая, уютная, на полу коврики, а на полочке в углу – большой образ с темным лицом и горит зеленая лампадка. Если на улице жарко, у бабушки прохладней всех, если холодно – у бабушки тепло. На столе всегда самовар, горшочек с медом, а в сундуке с розами, где бабушкино добро, есть чернослив и изюм. Бабенька у нас простенькая. У мамочки есть шляпы: и вышитые платья, а бабушка любит ситцевые блузы с пелеринками и чепчики с оборками, а когда идет в церковь – покрывается платочком.

Сама бабенька очень маленькая и добрая; она нас вечером укладывает в постель и рассказывает про царя Берендея. Та-не эта сказка надоела, а я люблю. Я люблю тоже, когда чуть стемнеет, сидеть у бабушки: она вязку положит, очки снимет, облокотится на окно и поет разные песни; голосок у нее тонкий и тихий, а песни все тихие, про голубков и незабудки.

Таня тоже слушает, мы ведь всегда вместе.

II

Опять приехал этот противный Василий Иванович.

И чего он ездит? Мама его не любит; только я слышала, она сказала: «С ним нельзя ссориться, он богатый человек». А тетя Зина сказала: «Да».

Я бы хотела, чтобы он обеднел и чтоб мы с ним поссорились. У него красные, широкие щеки и маленькие усы, завитые, точно у жучки хвост, и такие же черные. Когда он смеется – усы раздвигаются и щеки блестят, как масляные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.